

Психолого-педагогическая направленность диалоговых произведений В. Н. Карпова

К. Г. Сорокин¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48

Сведения об авторе:

Константин Геннадьевич Сорокин
e-mail: kogensorus@gmail.com

© Автор (2023).

Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.

Аннотация. Статья посвящена психолого-педагогической направленности диалогических произведений В. Н. Карпова, в которых выдающийся философ и психолог середины XIX века излагает свои психологические взгляды. Содержанию этих взглядов не отводится место в докладе, поскольку в нём делается полновесный акцент на технической стороне, — на диалоговом жанре изложения Карповым своей психологии. Исследование докладчика показывает, что диалоговый метод Кар-

повым избран не случайно, — он имеет целью ввести юного читателя в диалектическую беседу, где читателю отводится место полноправного участника диалога, разворачивающегося в книге. Таким образом, читатель необходимо усваивает роль "третьего участника" в диалоге между Наставником и Учеником, соединяя в себе обе познавательные позиции, названные нами гносеотипами. Такое положение читателя формирует и актуализирует в нём архетип Смысла как важнейшую структуру духовной зрелости человека. В статье выявляется содержание гносеотипов как познавательных элементов психодинамики, в отличие от известных сегодня метафор трансактного анализа, где эго-позиции Ребёнка, Родителя и Взрослого выражают психоэмоциональную динамику межличностных отношений. В тексте Карпова дети играют роль учеников, взыскующих познаний, в то время как роль родителя определяется учёным наставничеством. Взрослость же является процессуальной формой актуализации духовной зрелости человека, которую, как сказано выше, реализует самый формат диалектической беседы, вовлекающей читателя в психодинамический смысловой контекст. Мы назвали в статье эту роль Мудрецом, поскольку такое понятие охватывает не только философскую традицию понимания духовно-познавательной сущности человека, но и архетип смысла, известный под этим именем в современном юнгианстве. В когнитивной психодинамике, раскрываемой методом диалектической беседы, архетип смысла является ключевым синтетическим элементом познавательного процесса и развития человеческой личности.

В статье высказывается гипотеза, согласно которой изучение и использование метода диалектической беседы в образовательном процессе может расширить арсенал педагогического инструментария и усилить эффективность как процесса обучения, так и становления духовной зрелости обучающихся лиц.

Ключевые слова: В. Н. Карпов, психология, диалектическая беседа, третий участник, архетип Смысла

Psychological and educational orientation of V. N. Karpov's dialogues

K. G. Sorokin¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author:

Konstantin G. Sorokin

e-mail: kogensorus@gmail.com

Copyright:

© The Author (2023).

Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.

Abstract. The article discusses psychological and pedagogical orientation of V. N. Karpov's dialogues. Karpov is an outstanding philosopher and psychologist of the mid-19th century. Karpov's dialogues reflect his psychological views. The article does not explore the content of the dialogues, instead, it focuses on the technical side, i.e., the genre of a dialogue as a tool to present Karpov's views on psychology. The research shows that it was not by chance that Karpov chose the dialogue as a method. Karpov's method aims to engage the young reader into a dialectical conversation. Thus, the reader becomes a full-fledged partici-

pant of the dialogue unfolding in the book. The dialogue between the Mentor and the Student engages the reader as the 'third participant'. The Mentor and the Student combine both cognitive positions, which we call epistemological types. The position of the reader shapes and actualizes the archetype of Meaning, as the most important aspect of a person's spiritual maturity.

The article reveals the content of epistemological types as cognitive elements of psychodynamics. This is in contrast to the well-known metaphors of transactional analysis, where the ego-positions of the Child, Parent, and Adult express the psycho-emotional dynamics of interpersonal relationships. In Karpov's text, children play the role of students seeking knowledge, while the role of the parent is scientific mentoring. Adulthood is a procedural form of actualization of a person's spiritual maturity, which, as stated above, is realized by the very format of a dialectical conversation that involves the reader in a psychodynamic semantic context. The article denotes this role as the Sage, since the concept embraces not only the philosophical tradition of understanding the spiritual and cognitive essence of the human, but also the namesake Jungian archetype of meaning. Cognitive psychodynamics revealed through dialectical conversation, embraces the archetype of meaning as a key synthetic element of the cognitive process and development of the human personality.

The article puts forward a hypothesis that the study and use of the method of dialectical conversation in teaching and learning can expand the range of educational tools and enhance the effectiveness of both the learning process and the development of spiritual maturity in students.

Keywords: V. N. Karpov, psychology, dialectical conversation, third participant, archetype of Meaning

В то время, как славянофилы и западники состязались в мнении о достоинстве и недостатках самобытных начал для русской философии и культуры, в стенах Санкт-Петербургской Духовной Академии молитвенно-тихо, почти келейно, проходили беседы студентов с профессором, имя которого стало затем нарицательным в философских кругах родного отечества.

Проф. Василий Николаевич Карпов (1798—1867) был далёк от идеологической полемики; его можно назвать скорее «кабинетным» философом (Карпов 1860, 217), но в самом положительном значении этого слова, подразумевающего не схоластическую отвлечённость мысли, а высочайший научный аристократизм и душевную преданность философскому иде-

алу. Удивительно, но наследие этого выдающегося философа остаётся до сих пор не изученным, при том, что он был одним из первых мыслителей, предпринявшим создание целостной и вполне оригинальной системы русской философии. Он был одним из первых в нашем отечестве, кто увидел в психологии не только сердце и душу философии, но интегральное начало всех существующих и возможных наук о человеке.

Один из самых авторитетных представителей московской духовно-академической философии того времени, епископ Никанор (Бровкович), писал: «Карпов философ современный нам; но, изучив, трудом целой и долгой ученой жизни, до последних оснований и подробностей, все философские системы, сколько современные, столько-же и древние, он не увлекся духом своего века, сумев сохранить свою личную самобытность и самостоятельно проложить своей философской мысли дорогу сквозь густую мглу, воздвигнутую столкновением крайне разнообразных, до противоположности, течений современного философствования, к свету, который наиболее ярко и крепко сияет из глубины веков, который не осилили затмить тысячелетия» (Никанор 1876, 201). Этот свет, для Карпова, исходил, с одной стороны, из родников христианского богомыслия, с другой, из вечной философской классики, основу которой представляет платоновский идеализм (Ряполов 2014). Но почему именно платоновская философия поставлялась Карповым во главу угла? В чём уникальность и ценность Платона в отношении общих основ человеческого сознания? В статье о сочинениях Платона, которые были переведены самим Карповым¹, он писал, что «[...] на философию Платона надобно смотреть, как на систематический отчет

в религиозных и нравственных помыслах всего человечества: Платон пережил как бы все века, сочетал в своем созерцании стремления всех умов и сердец, и разрозненное, разнохарактерное высказал в одной гармонически сложенной поэме» (Карпов 1864а, 114). Не удивительно поэтому, что британский философ и математик Альфред Уайтхед (1861–1947) называл всю европейскую философию комментарием к учению Платона об идеях. А знаменитый Артур Шопенгауэр отмечал ещё и чисто практическую особенность философии Платона: никакая философия, говорил он, не в состоянии научить человека мыслить, за исключением одной – платоновых диалогов (Шопенгауэр 2001). Секрет такого воздействия диалогов Платона на читателя заключается, по видимому, в том, что самый диалогический жанр, включаясь в ритм внутреннего диалога, ведёт читателя, с одной стороны, к предзаданной логике авторской мысли, а с другой, оставляет простор личному самозмышлению. Такая синергия лежит в основе мзевтического (повивального, от др.-греч. *μαῖευτική*) метода Сократа, который, как известно, не поучал своих учеников, а помогал наводящими вопросами родиться в их голове новому знанию. Именно так и построены диалоги Платона: читатель внутри себя раскрывает полифонию философствующих голосов, столкновение которых побуждает мысль к диалектическому самооткровению.

Неудивительно, что сократовский метод был положен в основу психотерапевтической беседы, в которой терапевт не столько «делится мудрыми советами», сколько «подталкивает» клиента к встрече с самим собой путём наводящих вопросов. Поэтому крайне важно читать Платона не только тем, кто желает прикоснуться к философским родникам и научиться мыслить, но и психологам, которым необходимо воспитывать в себе культуру мзевтического диалога.

Искусство мзевтического диалога, или, можно также сказать, диалектической беседы, Василий Карпов использовал

¹ Карпов подарил России первый полный перевод сочинений Платона (6 томов), который выполнил с высочайшим искусством и учёной точностью. А что особенно ценно в этом издании, так это подробные комментарии самого Карпова, которые он предпосылал каждому диалогу.

на своих лекциях со студентами, когда состоял профессором философских наук в Петербургской Духовной Академии (с 1835 по 1867 гг.). По воспоминаниям учеников, «лекции его отличались самым живым изложением и полным отсутствием педантической сухости. Нередко имели место ученые беседы учителя с учениками наподобие тех, какие он хорошо изучил у Платона; в таких случаях В.Н. особенно воодушевлялся, и это приводило его к убедительнейшим импровизациям» (Миртов 1898, 39–40).

В журнале «Детское чтение» (приложение к журналу «Странник» за 1864 г.) Карпов опубликовал четыре диалога, последовательно описывающих систему его собственных психологических воззрений. Действующими лицами диалогов выбраны: отец и двое его детей (Петя и Маша). Возраст детей автором не обозначен, но складывается впечатление, что это дети школьного возраста, скорее всего от 10 до 14 лет. На первый взгляд, форма диалогов может показаться даже несколько вычурной, поскольку детские реплики и суждения не выглядят соответствующими возрасту, контурно намеченному в повествовании. Мы видим мудрого отца, постигшего тайны человеческой души, и любопытных детишек, которые держат беседу, вроде бы, с подобающей ребёнку наивностью, но проявляющих, при этом, отнюдь «не детскую» смыслённость и рассудительность. Это двоякое впечатление способно поселить в душе зрелого читателя «когнитивный диссонанс» и сформировать мнение об этом техническом приёме как о художественном недостатке. Но мы избежим такого мнения, если учтём следующую существенную особенность: обсуждаемые нами диалоги имеют педагогическую направленность и предназначены они для «детского чтения», а точнее сказать – для юношества. Теперь, если мы поймём такой формат диалога не как художественный недостаток, а как избранный психолого-педагогический приём, то необходимо в нём будет признать и соответствующую методу. Поможет нам в её

определении популярная сегодня матрица психологических отношений, представленная в берновских метафорах: Ребёнок, Родитель и Взрослый. В то время как Ребёнок (в двух лицах противоположного пола) и Родитель (их отец) в тексте выражены определённо, роль Взрослого представлена имплицитно. Эта роль у Карпова актуально присутствует как в Родителе, так и в Ребёнке (в детях), составляя живой контекст общего смысла, который непосредственно проецируется в душу юного читателя. Получается, что «взрослость» юного читателя присваивается ему априори: он невольно оказывается в позиции зрелого, понимающего человека. И такому читателю остаётся лишь осваиваться с данной ролью, «высвобождая» из собственных недр души *свитые* в ней потенции *саморазвития*. Таким образом, избранный Карповым художественный приём, в котором родитель и его дети общаются на уровне взрослых собеседников, представляется нам такой психолого-педагогической мерой, благодаря которой юный читатель получает внутренний стимул к «взрослению», – к становлению в осмысленном порядке бытия.

Итак, процесс самознания у юного читателя определён в диалогах тремя познавательными эго-позициями: позицией ищущего познания ребёнка, позицией дающего знание родителя и, наконец, промежуточной позицией зрелого сознания, которое рождается не от диалектического противоречия, как примиряющий фактор, а задаётся «предопределяющей гармонией» авторского смысла. Но это только одна часть смысла. Другая же сторона смысла принадлежит творческой воле читателя. Авторский смысл символизирует сферу общих идей, предопределяющих содержание текста. Читательский смысл символизирует новое, частное, конкретное и особенное в прочтении.

Если мы отвлечёмся от берновских метафор, которые призваны объяснять не познавательную, а эмоциональную динамику, в значениях социального взаимо-

действия, и приищем образы, более соответствующие когнитивному психодинамическому строю, то увидим механику самопознания, которой Карпов хотел осуществить свой психолого-педагогический проект в произведениях диалогического жанра.

Попытаемся схематически изобразить реализацию самопознания, которую, как мы предполагаем, осуществляет юный читатель при чтении диалогических произведений Карпова. Вместо Ребёнка и Родителя (как в ТА)², мы выберем когнитивные «эго-состояния», которые будем, соответственно, называть гносеотипами (от греч. γνώσις — знание и τύπος — отпечаток). За основу мы возьмём образ Мудреца, как признанный в юнгианстве архетип смысла. Для нас этот центральный гносеотип характеризуется неопределённым состоянием сознания («ни то, ни это» // «и то, и это»), или *точкой возможности*, определяющей диалектическую поляризацию со-знания, где знание, с одной стороны, уже «есть», с другой, ещё «не есть». Тот, кто знанием ещё не обладает, но стремится к нему, может быть назван Искателем, или лучше, в данном случае, Учеником, а тот, кто им уже обладает, он не ищет (ибо знает), а транслирует, сообщает о нём, а потому может быть назван Просветителем, или лучше, в данном случае, Наставником. Итак, когнитивную триадиную динамику мы составили из гносеотипов: Мудреца, Ученика и Наставника. Каждый человек может обнаружить в себе все три состояния, с преобладанием – в тот или иной момент, в той или иной ситуации – одного из них. Однако состояние Мудреца является обычно не актуальным, а вспомогательным, обеспечивающим возможность отношения к знанию. В диалоге Наставника и Ученика Мудрец составляет промежуточное звено, где встречаются авторский и читательский смыслы. Таким образом, у Карпова просветительские диалоги отца со своими детьми

пробуждают в душе юного читателя архетип Смысла или Мудреца, и формируют в нём зрелость творческого самомышления.

Синтетический метод Карпова даёт нам простор для таких выводов, с апелляцией к архетипам и даже к субличностям как олицетворению высших психических функций, откуда сам Карпов в третьем диалоге использует метафоры Писца (или Архивариуса), Живописца и Художника, олицетворяющих память, воображение и внимание. Собственно, этими психическими функциями Карпов обрисовывает темпоральную динамику жизненного пути личности как связующих элементов прошлого, настоящего и будущего в единстве психического. В отличие от формальных сил души (рассудок, воля и чувство), Архивариус, Художник и Живописец являют у Карпова материальные силы, при том, Архивариус и Художник дают материал Живописцу (Карпов 1864), который из него уже формирует картину грядущего. Темпоральная структура жизненного пути личности определяется устремлённостью человека к будущему и теми представлениями, которые он имеет о будущем. Творческая сила Художника, внимающего настоящему моменту действительности, исполнена, с одной стороны, энергией возможного, предписанного воображением Живописца, с другой, факторами необходимого, записанного в памяти Архивариусом. Материальные силы души наполняют и взаимно обуславливают друг друга. Но формируются они под влиянием рассудка, воли и чувства. Наконец, образовательную силу они обретают в гносеотипах, которые мы здесь наметили в лицах: Мудреца, Ученика и Наставника.

Идея самопознания, поставленная Карповым во главу угла (Прасолов 2016) всякого образовательного процесса как процесса самореализации человека, получает у него полновесное практическое разрешение в произведениях диалогического жанра, где психодинамические структуры входят не только в композици-

² Сокращённое название Трансактного анализа, которое использовал Э. Берн и его последователи.

онный строй произведения, но и вовлекают в этот строй познавательные акты читателя. Метод диалектической беседы, рождённый в Сократо-Платоновской школе, был сочувственно воспринят русской философской традицией (Веневитинов, Одоевский и др.), но Карпов придал этому методу ключевое образовательное значение, соединив его со структурными особенностями психодинамики.

Изучение и использование метода диалектической беседы в образовательном

процессе может расширить арсенал педагогического инструментария и усилить эффективность как процесса обучения, так и становления духовной зрелости обучающихся лиц. При этом, конечно, сегодня таким инструментом может быть не только литературный жанр, но и всевозможные игровые технологии, положительно зарекомендовавшие себя в системах современной психологии и педагогики.

Литература

- Карпов, В. Н. (1860) О самопознании. *Странник*, т. 1, с. 207–231.
- Карпов, В. Н. (1864a) Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные профессором Карповым. *Странник*, т. 2, с. 73–114.
- Карпов, В. Н. (1864b) Писец, живописец и художник. *Детское чтение: приложение к журналу «Странник»*, тетради 1–4, с. 135–176.
- Миртов Д. (1898) Заслуги проф. Василия Николаевича Карпова для русской философской мысли. В кн.: *Памяти русского философа Василия Николаевича Карпова, профессора С.-Петербургской Духовной Академии, по случаю столетия со дня его рождения. 1798–1898 гг.* СПб.: тип. Ф. Елконского, с. 37–54.
- Никанор Еп. (1876) *Позитивная философия и сверхчувственное бытие*, том 2. СПб.: Обществ. польза, 401 с.
- Прасолов, М. А. (2016) Проблема самопознания в философии В. Н. Карпова. В кн.: Прот. А. Скакалин, прот. В. Попов (ред.). *Митрофановские церковно-исторические чтения. Сборник докладов и выступлений XXIV международных рождественских образовательных чтений*. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, с. 51–64.
- Ряполов, С. В. (2014) В. Н. Карпов и «платоновская традиция» в России. *Платоновские исследования*, вып. I, с. 325–336.
- Шопенгауэр, А. (2001) *Собрание сочинений*, т. 6. М.: Республика, 352 с.

References

- Karpov, V. N. (1860) O samopoznanii [On self-knowledge]. *Strannik*, vol. 1, pp. 207–231. (In Russian)
- Karpov, V. N. (1864a) Sochineniya Platona, perevedennye s grecheskogo i ob'yas-nennye professorom Karpovym [The works of Plato, translated from Greek and explained by Professor Karpov]. *Strannik*, vol. 2, pp. 73–114. (In Russian)
- Karpov, V. N. (1864b) Pisets, zhivopisets i khudozhnik [Scribe, painter and artist]. *Detskoe chtenie: prilozhenie k zhurnalu "Strannik"*, notebooks 1–4, pp. 135–176. (In Russian)
- Mirtov D. (1898) Zaslugi prof. Vasiliya Nikolaevicha Karpova dlya russkoi filosofskoj mysli [Merits of Prof. Vasily Nikolaevich Karpov for Russian philosophical thought]. In: *Pamyati russkogo filosofa Vasiliya Nikolaevicha Karpova, professora S.-Peterburgskoj Dukhovnoj Akademii, po sluchayu stoletiya so dnya ego rozhdeniya. 1798–1898 gg.* [In memory of the Russian philosopher Vasily Nikolaevich Karpov, professor of the Saint Petersburg Theological Academy, on the occasion of the anniversary of his birth. 1798–1898]. Saint Petersburg: F. Elkonsky Publ., pp. 37–54. (In Russian)
- Nicanor Ep. (1876) *Pozitivnaya filosofiya i sverkhchuvstvennoe bytie* [Positive Philosophy and Supersensible Being], vol. 2. Saint Petersburg: Obshchestv. Pol'za Publ., 401 p. (In Russian)
- Prasolov, M. A. (2016) Problema samopoznaniya v filosofii V. N. Karpova [The problem of self-knowledge in V. N. Karpov's philosophy]. In: Prot. A. Skakalin, prot. V. Popov (eds.). *Mitrofanovskie tserkovno-istoricheskie chteniya. Sbornik dokladov i vystuplenij XXIV mezhhdunarodnykh rozhdestvenskikh obrazovatel'nykh chtenij* [Mitrofanovsky church-historical readings. Collection of re-

- ports and speeches of the XXIV International Christmas Educational readings]. Voronezh: Tsentr dukhovnogo vrozozhdeniya Chernozemnogo kraya Publ., pp. 51–64. (In Russian)
- Ryapolov, S. V. (2014) V. N. Karpov i “platonovskaya traditsiya” v Rossii [V. N. Karpov and the “Platonic tradition” in Russia]. *Platonovskie issledovaniya — Platonic studies*, vol. I, pp. 325–336. (In Russian)
- Schopenhauer, A. (2001) *Sobranie sochinenij [Collected Works]*, vol. 6. Moscow: Respublika Publ., 352 p. (In Russian)